

ЯПОНСКО-РУССКИЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ ИЕРОГЛИФОВ

СОСТАВИЛА
кандидат филологических наук
Н. И. ФЕЛЬДМАН

С приложением статьи
«Иероглифы в современной японской письменности»

Около 4100 иероглифов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ
МОСКВА — 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий словарь является первым опытом создания, как показывает его название, учебного словаря иероглифов. Это не словарь японских слов, японского языка — такой словарь, естественно, должен быть фонетическим, какими являются все без исключения японские толковые словари; это именно словарь иероглифов, как одного из средств японской письменности, показывающий применение иероглифики для написания слов современного японского языка.

Учебный характер прежде всего определил объём словаря. Его задачей является дать не максимум возможных сведений о иероглифах вообще и каждом знаке в отдельности, а наоборот, тот минимум знаний о них, который необходим и достаточен для чтения японской прессы и литературы последних трёх десятилетий¹.

В словаре объяснены четыре с лишним тысячи иероглифов и, кроме того, приведено около 400 сокращённых и вариантных форм.

В словарь включены те иероглифы, которые используются при написании слов современного японского языка. Учитывая ограниченные размеры словаря, здесь приводится лишь небольшая часть самого словарного состава современного языка, но в большем и нет надобности, поскольку это словарь иероглифов, а не слов. Однако в нём даны не только те слова, которые связываются с иероглифом самим по себе, но по возможности полно представлен состав и всех тех основ и корневых морфем современного японского языка, которые имеют иероглифическое обозначение². При освещении самостоятельного употребления иероглифов для на-

¹ В литературе первой четверти века и тем более раньше, в частности в мэйдзийской художественной литературе, иероглифика применялась значительно шире, чем представлено в данном словаре, как в отношении количества знаков, так и в отношении более свободного использования их для написания чистого японских слов.

² В приложении даны и японские суффиксы, не имеющие иероглифического обозначения.

писания слов учитываются по возможности в все случаи его (подробнее об этом ниже). При показе применения иероглифов для записи морфем и основ учитываются новые значения, приобретённые этими словообразовательными компонентами в современном языке (напр. у 中 тю значение «Китай», у 配 хай значение «нормированное снабжение»); учитывается словообразовательная роль компонента — корневая или аффиксальная. Было обращено внимание на наиболее полный показ способов употребления иероглифов. Для этого в числе слов, привлечённых для иллюстративных целей, помимо основного массива, относящегося к широко употребительной лексике общего характера, имеется и некоторое количество чисто научных терминов, известное число названий растений и животных (в частности рыб) Японии, а также кое-какие сугубо бытовые слова, имеющие узкую сферу применения; это сделано потому, что каждый из названных слоёв лексики характеризуется в письме несколько особым применением иероглифики. При этом сама лексика словаря ограничена тем, что встречается в современном языке. В словаре за отдельными исключениями не приводятся ни сами иероглифы, не употребляющиеся в современной письменной практике, ни неупотребительные значения их, ни устарелые чтения иероглифов — как японские, т. е. слова, принадлежащие к старому японскому языку (напр. цувамоно «ратник» при иероглифе 兵), так и китайские, т. е. оны, входящие только в качестве компонентов в слова, неупотребительные в современном языке (напр. он иероглифа 釋 сэки, являющийся компонентом таких чуждых современному языку слов, как 釋奠 сэкитэн «празднество в честь Конфуция», 釋菜 сэкисай «овощи для приношения на алтарь на празднике в честь Конфуция» и т. п.). Не вошли в словарь и книжные составные слова, неупотребительные в современном языке, но во множестве фигурирующие на страницах японских иероглифических словарей (напр. при иероглифе 儉 не приведены такие слова, как 儉吝, 儉德, 儉朴 и т. п.).

Учебный характер словаря определил и его структуру: соединение в нём собственно словаря и лексикологического пособия. «Изучение способов словообразования — одно из самых злободневных заданий современной японистики. Проблема новообразований в элементарной форме возникает уже в сфере практических занятий языком. Каждый номер газеты, всякое новое литературное произведение содержит в той или иной мере производные лексические единицы, которых нет в существующих словарях. Чтобы установить значение незнакомого слова, переводчик анализирует его состав, сопоставляет это слово с известными ему аналогичными по образованию словами, проверяет по контексту возможное значение новой лексической еди-

ницы. Практические потребности превращают переводчика в лексиколога¹. Словарь ставит задачей показать методы такого анализа (для чего словарю предпослана вводная статья) и дать необходимые сведения для его успешных результатов.

Конкретно словарь имеет следующие структурные особенности.

Точно разграничено самостоятельное употребление иероглифа и его применение в сочетании с другим иероглифом. Иначе говоря, разграничено применение иероглифов для записи слов и для записи компонентов составных слов.

При показе самостоятельного употребления иероглифа указываются по возможности все слова современного японского языка, реально пишущиеся с его помощью, т. е. не только чисто японские (куны), как это принято традиционно, но и слова китайского происхождения (бны), а также смешанные. Кунные чтения иероглифов устанавливались не только по японским иероглифическим словарям, но и по иероглифическим указателям к японским толковым фонетическим словарям (которые ценны тем, что подходят от слова к иероглифу, а не наоборот) и отчасти непосредственно по текстам. Реальность кунных чтений проверялась по фонетическим словарям.

Особое внимание уделено показу употребления онов, как слов японского языка, причём различаются оны, употребляющиеся свободно, т. е. являющиеся полноценными словами, и оны, входящие только в ограниченное число устойчивых выражений.

Все японские слова даются в японской графике в том виде, в каком они реально пишутся и встречаются на письме. Такое написание имеет целью содействовать установлению у пользующегося словарём прочной связи указываемого чтения иероглифа с реальной графикой языка, которая в ряде случаев состоит не из одного иероглифа, а из иероглифа в сочетании с буквами японской азбуки (окуриганой). Установление прочной ассоциации между чтением иероглифа и его реальной передачей на письме необходимо для того, чтобы уметь свободно читать японский текст, т. е. иероглифически-буквенное письмо, а также и правильно писать по-японски. Последнее невозможно при нередко встречающемся ошибочном представлении, вытекающем из полного непонимания соотношения между письмом и языком, будто окуригана — ненужный привесок, отбрасывание которого не меняет чтения иероглифа, и будто японское слово, орфография которого требует сочетания иероглифа с буквами каны, может быть написано и одним иероглифом, без каны.

¹ Диссертация А.А. Пашковского «Словообразование в современном японском языке», 1953.

Перевод японских слов, пишущихся с помощью данного иероглифа, ограничен важнейшими значениями японского слова. За единичными исключениями, не даётся ни фразеологии, ни идиоматики, связанных с этим словом. Конечно, задача изучения письменности не может быть оторвана от задач изучения языка, но нельзя смешивать самые объекты изучения. Данный словарь, как словарь иероглифов, по возможности полно освещает связь иероглифа, письменного знака, со словами, этими знаками обозначаемыми. Знание самих же этих слов во всей полноте и разнообразии их значений, знание их лексико-фразеологических связей и идиоматического употребления достигается при изучении японского языка с помощью не словаря иероглифов, а фонетического словаря, т. е. словаря слов. Всё же в данном словаре объяснение японских слов ограничивается с осторожностью: если слово имеет служебные значения, они даются полностью; при наличии у него большого числа производных значений или богатой идиоматики, словарь в том случае, когда он их не приводит, предупреждает об их существовании.

Те чтения и значения иероглифа, в которых он употребляется в сочетании с другим иероглифом, указываются отдельно. Это означает, что настоящий словарь даёт объяснение не только слов, пишущихся с помощью иероглифа, но и словообразовательных компонентов, имеющих иероглифическое написание. Эти компоненты двоякого происхождения: китайского — оны и чисто японского — японские слова.

Особое внимание уделено разработке значений словообразовательных компонентов — онов. Словообразование из японских основ по существу не связано с иероглифической письменностью; данный же словарь, как словарь иероглифов, естественно уделяет основное внимание тому слою лексики, так называемым китайским словам (канго), который связан с иероглифической письменностью органически. При иероглифическом написании, благодаря идеографичности самих знаков, значения компонентов понятны, так что именно иероглифическое написание, обычное для канго, облегчает освоение этого слоя японской лексики. А так как для многих японистов японский язык служит в первую очередь средством познания изучаемой страны через печатный текст, то владение иероглифкой, как ключом к определённому слою японской лексики, является для них особенно важным.

Словарь разграничивает значения компонентов, оценивает их продуктивность в целом и в отдельных значениях, различает степень свободы их сочетаний с другими компонентами, отмечает употребление компонента в зависимости от его местоположения. Особое внимание уделено присловным и аффиксальным компонентам. Выделены случаи омонимии компонентов, пишущихся одним и тем же знаком.

Всё это — первый опыт такого рода работы (только изредка в японских иероглифических словарях указывается связанность значения компонента), и уже по этой одной причине, вероятно, данный словарь страдает известным несовершенством. Все эти вопросы нуждаются в дальнейшей научной разработке.

Продуктивные значения, в особенности присловных и аффиксальных компонентов, проиллюстрированы примерами составных слов, в которые входит иллюстрируемый компонент, независимо от его места. Нередко без учёта слов, где иллюстрируемый компонент стоит на 2-м и 3-м месте, нельзя выявить его роль в словообразовании (напр.: 價, 儀, 力, 務). Если компонент имеет несколько значений, слова, в которые он входит, распределены по группам соответственно этим значениям. Установление значения компонентов в каждом составном слове представляло собой некоторые трудности. Часто это значение очевидно, кое-когда при неясности можно было опереться на японские иероглифические словари, но нередко составителю приходилось производить самостоятельный семантический анализ составного слова.

Одна часть иллюстративных составных слов снабжена чтением и переводом. Цель этих иллюстраций — привить навык осмысленного понимания составных слов, т. е. понимания связи значения составного слова в целом со значением его компонентов. Поскольку составные слова даются только в целях иллюстративных, а не справочных, они приводятся в том количестве и в таком порядке, в каком это нужно для ясного представления о значении компонента и о его роли в словообразовании. Необходимость дать правильное представление о роли компонента в словообразовании и вместе с тем, в целях экономии места, избежать дублирования, заставила ряд иллюстративных слов указывать ссылкой.

Другая часть иллюстративных составных слов дана без перевода и чтения (за исключением чисто японских и смешанных слов, из которых первые часто, а вторые почти всегда даются с чтением). Эти слова предназначены для приобретения навыков в понимании неизвестных составных слов по значениям входящих в них знакомых компонентов. Этот раздел рассчитан не на пассивное восприятие, а на активную работу изучающего японский язык. Однако автор настоятельно обращает внимание на то, что и без использования этой группы слов, значение и употребление компонентов достаточно проиллюстрированы переведёнными словами, так что при желании материал, лишённый перевода, может быть оставлен без внимания. Тем же, кто желает этот раздел использовать, необходимо предварительно усвоить значительное число иероглифов (в объёме обычном для не менее чем

двух лет обучения) по приведённым в словаре значениям и тем иллюстративным составным словам, которые снабжены переводом, а также внимательно ознакомиться с разделом о словообразовании во вводной статье. Кроме того подчёркиваем, что к пониманию сочетаний следует подходить не изолированно, не выхватывая их поодиночке, а в процессе проработки относящихся к данному нероглифу переведённых сочетаний, сопоставляя их со всем материалом данной словарной статьи. Автор подчёркивает, что задачи справочного словаря нероглифов исчерпываются перечнем и раскрытием значений слов и компонентов, пишущихся нероглифом, что же касается составных слов, то это только учебный иллюстративный материал¹. Поэтому ни в коем случае не следует обращаться к этому словарю в поисках значения составных слов. Надо помнить, что в этом словаре современная японская лексика представлена ограниченно: простые слова постольку, поскольку они имеют нероглифическое обозначение, составные постольку, поскольку они нужны для иллюстративных целей, причём эта часть почти полностью ограничивается канго; однако канго двойной сложности (т. е. состоящие из двух или более двух-составных канго) совсем не приведены, за исключением тех случаев, когда одна их часть или обе отдельно не употребляются. Данный словарь, как показывает его название, предназначен для справок об нероглифах, а не о словах, и поэтому не может заменить собой обычный переводный фонетический словарь слов. Однако он может облегчить пользование фонетическим словарём, позволяя обходиться без нероглифического указателя к нему, и, способствуя развитию навыка при знании ограниченного числа компонентов понимать множество незнакомых или забытых составных канго, значительно уменьшить самую надобность в нём.

¹ Нероглифы являются предметом объяснения такого же типа в следующих японско-иноязычных словарях: японско-английском словаре Пирсона «10,000 Chinese-Japanese Characters» by I. L. Pierson, Leiden, 1926, японско-русском словаре А. А. Лейферта «Словарь наиболее употребительных в современном японском языке нероглифов», М., 1935 (2430 знаков) и японско-английском словаре Ваккари, «當用漢字, Standard kanji», by Orest Vaccari and Enko Elisa Vaccari, Tokyo, 1949 (1800 знаков). В словаре Пирсона и словаре Ваккари значения компонентов не раскрываются, но даются иллюстративные составные слова, у Пирсона — 1-2, у Ваккари — 3-6; в словаре Лейферта, наоборот, указывается значение онов, как компонентов, но иллюстративные слова не приводятся. С другой стороны «Die wichtigsten chinesischen Zeichen in Japanischen» von Dr. Clemens Scharschmidt, Leipzig, 1943, несмотря на подзаголовок «Ein praktisches Lehr- und Lernbuch», т. е. на учебные задачи, представляет собой элементарное объяснение нероглифов, входящих в хрестоматию начальной школы, со стандартными онами и кунами, без объяснений значений компонентов и без иллюстративных составных слов.

Автор выражает благодарность В. И. Розину, проставившему современные китайские чтения, и Ю. Н. Мазуру, проставившему корейские чтения иероглифов. Наличие этих чтений отнюдь не означает, что данный словарь пригоден для работы с китайскими и корейскими текстами. Их цель — дать возможность опознать в японском тексте нередко встречающиеся в прессе китайские и корейские собственные имена и географические названия и прочесть их соответственно по-китайски и по-корейски, т. е. так, как их следует произносить и по-русски. Кроме того, с помощью данного словаря можно в китайском и корейском текстах прочесть и понять отдельные знаменательные слова, а именно те, которые, будучи составлены из китайских компонентов, являются общими для всех трёх языков, напр. 社會主義 «социализм»: **сякайсюги** — по-японски, **шэхуйчжуи** — по-китайски, **сахвечжуи** — по-корейски.

При составлении словаря в основном использованы следующие источники:

漢和新辭典, 幸田露伴修, Токио, 1941.

詳解漢和大字典, 服部宇之吉・小柳司氣太共著, Токио, 1932 (только для установления значения компонентов в отдельных канго).

大百科辭典, Токио, 1936—1939 (только для установления латинских названий растений и рыб, через посредство которых затем был заново сделан русский перевод японских названий).

大言海, 大槻文彦著, Токио, 1932 (иероглифический указатель).

ローマ字で引く國語辭典, 上田萬年著, Токио, 1929 (иероглифический указатель).

明解國語辭典, 金田一京助編, Токио, 1945.

Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary, Y. Takenobu, Токио, 1949.

Японско-русский словарь, Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, М., 1951.

Самым замыслом словаря, т. е. определением принципов трактовки иероглифики, автор обязан курсу лекций по иероглифике, который читался проф. Н. И. Конрадом в Московском Институте Востоковедения в 1942—1945 гг.

В заключение автор приносит глубокую благодарность руководству Государственного издательства иностранных и национальных словарей в лице главного редактора К. А. Марцишевской и бывшей заведующей Восточной редакцией Л. А. Мерварт, обеспечившим издание этого в значительной степени нового по типу словаря, а также редактору А. П. Аболмасову, отнёсшемуся к работе с исключительным вниманием и с творческой инициативой.

Н. Фельдман

ВВЕДЕНИЕ

ИЕРОГЛИФЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Общие сведения об иероглифической письменности

Иероглифы, как одно из средств современной японской письменности, были заимствованы японцами из Китая. Древнейшие известные нам японские письменные памятники свидетельствуют, что к VIII в. процесс заимствования был завершён. В самом же Китае иероглифы были созданы значительно раньше: древнейшие сохранившиеся китайские памятники показывают, что китайская иероглифическая письменность в основном сложилась не позже чем за 1000 лет до н. э.

История применения знаков китайской письменности для записи японского текста состояла в приспособлении этой чужой письменности для фиксации на письме своего языка. При этом происходила борьба двух принципов письма — идеографического и фонетического¹. На базе графических сокращений ряда иероглифов была создана японская фонетическая слоговая азбука — *канá*, знаки которой в сочетании с иероглифами составляют средства современной японской письменности — *кандзи-канамадзирibun*, совмещающей оба вышеуказанных принципа письма. Подробная характеристика этой письменности даётся в § 11.

За период многовекового существования в Японии иероглифической письменности появились иероглифы, созданные и самими японцами и поэтому называющиеся *國字 кокудзи* («отечественные иероглифы»). Их всего около ста с небольшим; они составлены из графических элементов, заимствованных из китайской иероглифической письменности и соединённых по типам, созданным этой же письменностью в древнейшие времена (примеры см. в § 3 и 4). В японской письменности *кокудзи* никакой особой роли не играют.

Заимствование иероглифов оказало большое влияние на сам

¹ См. специально посвящённую этой теме диссертацию А. Н. Соколова «Система письма в Японии, ее история и современное состояние», 1952.

японский язык. Вместе с иероглифами японцы усваивали китайские слова и корневые морфемы, которые обозначались этими знаками, изменяя, в случае надобности, их звучание согласно произносительным нормам японского языка. Из этих китайских лексических элементов японцы стали создавать и новые слова. Китайский лексический элемент, слово или морфема, вошедший таким путём в японский язык, именуется *он*, а слово, состоящее из одного или нескольких *онов*, независимо от того, заимствовано ли оно из Китая или составлено в Японии, называется *漢語 канго* (букв. «китайское слово»). В современном японском языке *канго* составляют не меньше половины словарного состава.

Перейдём к более подробному рассмотрению самих иероглифов и того, как они используются в современной письменности.

§ 2. Определение китайского иероглифа

Китайский иероглиф — это письменный знак, характеризующийся: а) своей графической формой; б) определённым звучанием, которое присваивается ему в той письменности, где иероглифы применяются, и которое является носителем значения, а в Китае — тем словом, для записи которого иероглиф и был создан, а также тем словом или морфемой, которые были связаны с ним впоследствии; в) значением, которое через это звучание переносится на сам знак (последним он отличается от буквы фонетического алфавита, как звукового, напр. русского или латинского, так и слогового, напр. японского). Китайский иероглиф в Китае, как правило, имеет одно звучание или, иначе говоря, одно чтение, в Корее обычно одно¹, в Японии же обычно два, а нередко и больше (об этом смотри ниже). Чтения иероглифа в письменности разных стран различны, но лексическое значение его большей частью одинаково. Например, иероглифу 火 в Китае присвоено звучание *хо*³, иначе говоря, он читается в Китае *хо*³, в Японии *ка* и *хи*, в Корее *хва* и *пуль*, и во всех этих трёх странах с этим иероглифом связано значение «огонь», поскольку слова *хо*³ по-китайски, *хи* по-японски, *пуль* по-корейски и значат «огонь»².

Мы сначала остановимся вкратце на графике иероглифов, которая в силу сложности, характерной для большей их части, обычно в первую очередь привлекает к себе внимание. График не безразлична для понимания истории значения и чтения иероглифа, в ней и практи-

¹ Два чтения, пример чего дан ниже в тексте, иероглифы имели в Корее до XX в. Сами иероглифы в КНДР с 1945 г. малоупотребительны.

² Пифра обозначает тон китайского слова.

чески необходимо разобраться для того, чтобы отыскать нероглиф в словаре.

§ 3. Пиктограмма и идеограмма

В основе нероглифической письменности лежат простейшие изобразительные и указательные знаки. К последним относятся напр. 上 и 下, где их значения «верх» и «низ» условно обозначены вертикалью над и под горизонтальной чертой, что как бы имитирует соответствующий указательный жест. Пиктографический, т. е. чисто изобразительный, знак первоначально представлял собой примитивный рисунок. Например, рот изображался полукругом выпуклостью вниз с поперечной линией сверху: таково происхождение нероглифа 口 «рот». Дуга выпуклостью вверх и точки под ней служили изображением неба и капель; такова первоначальная форма нероглифа 雨 «дождь». С течением времени рисунки схематизировались и, в конце концов, приобрели современный вид, где от первоначальной изобразительности не осталось и следа. Ни один нероглиф не сохранился в той форме, в которой он имел непосредственно понятную пиктографическую выразительность. Значение всех рисуночных знаков, а следовательно и всех простейших лексически значимых элементов нероглифики, сейчас совершенно условно.

В китайской письменности рисуночные знаки, пиктограммы, составляют ничтожное меньшинство. Гораздо большее число так называемых идеограмм. Идеограмма — рисунок, имеющий условный смысл. Например, нероглиф 立 первоначально имел вид рисунка человека, стоящего, расставив ноги, а к этому изображению добавлена горизонтальная черта внизу; однако этот рисунок представлял собой изображение не человека как такового, а его позы, и значил «стоять» (так и у нас, например, смысл рисунка руки с вытянутым указательным пальцем вытекает из значения изображённого жеста, а именно, имеет условное значение, в зависимости от того, помещён ли рисунок в книге или на стене, — «смотри» — на такую-то страницу или «иди» — в таком-то направлении). В сложной идеограмме условный смысл вытекает из соотношения значений частей. Например, нероглиф 命 в первоначальной форме изображал постройку — святилище или жилище правителя (верхняя часть нероглифа 人 с чертой под ней — изображение крыши), перед ней коленопреклонённую фигуру человека и слева от неё рот (в нынешней форме части 口 и 冂); всё это изображало почтительное выслушивание повеления, откуда значение нероглифа «приказание»¹.

¹ Все объяснения первоначальной формы знаков в этой статье основаны на данных книги Гото Асатаро «Кандзи-но манабиката осиэгата» («Изуче-

Идеограммы продолжали составляться и из готовых графических элементов, уже утративших изобразительный характер и приобретших чисто условное значение. Таково происхождение большинства нероглифов, смысл которых в их нынешнем виде связан со значением входящих в них элементов. Таков, например, нероглиф 伐, который состоит из элементов «человек» и «копье» и значит теперь «рубить», а первоначально — «ударять копьем (врага)». Так же были составлены некоторые кокудзи, напр. знак 峠 «горный перевал», который состоит из элементов 山 «гора» и, расположенных рядом с ним, один над другим, элементов 上 «верх» и 下 «низ».

§ 4. Фоноидеографический знак. Детерминатив и фонетик

Огромное большинство нероглифов не представляет собой ни простых изобразительных знаков, ни идеограмм, а принадлежит к третьему, смешанному типу, так называемым фоноидеограммам.

В чисто идеографическом знаке слово, им обозначаемое, не имеет никакой связи со словами, обозначаемыми его частями, иначе говоря, чтение знака в целом не зависит от чтения его элементов. Например, нероглиф 林 обозначает китайское слово *лин* «лес», а элемент 木, дважды в нём повторённый, обозначает слово *му* «дерево». Иначе обстоит дело в фоноидеографическом знаке, а именно: в фоноидеографическом нероглифе слово, им обозначаемое, фонетически тождественно слову, обозначаемому одной его частью, другими словами, чтение знака в целом совпадает с чтением одной его части. Например, нероглиф 誹 «злословить, чернить, порочить» и 非, одно из значений которого «дурной, плохой; зло» (а в китайской письменности также «хулить, ругать»), оба произносятся *фэй*; знаки 柑 «апельсин», 蚶 «устрица» и 甘 «сладкий» все три читаются *гань*. Таким образом, в фоноидеографическом знаке одна его часть, наподобие буквы, служит обозначением звука, отчего и называется «фонетический показатель» или «фонетик», другая же имеет идеографическое значение, а именно, она определяет область понятий, к которой относится конкретное значение данного знака, отчего и называется «детерминатив» («определитель»). Среди кокудзи имеются знаки, составленные и по этому принципу. Например, в нероглифе 袈 ьки «длина рука-

ние и преподавание нероглифики»), Токио, 1930, полученных автором путем изучения древнейших китайских надписей на костях, относящихся ко времени за 1400 лет до н. э. Толкования значений графики нероглифов, дающиеся в некоторых фундаментальных японских нероглифических словарях, напр. в словаре «Дайдзитэн», Уэда Маннэн и четырех других авторов, обычно повторяют толкования, данные в Китае уже в то время, когда нероглифы утратили свою первоначальную графическую форму, а именно, в словаре 1 в. н. э. «Шовэнь».

вов» наличие правой его части 行 вызвано тем, что ею пишется омонимичное слово юки «хождение», а детерминатив «одежда» объясняет, что нероглифом 衤 написано то слово юки, значение которого связано с понятием одежды.

Фонетик может иметь смысловую связь со значением знака в целом, но может её и не иметь. Наличие или отсутствие такой связи зависит от того, в результате какого именно процесса был создан фоноидеографический знак. Таких процессов существовало два.

Во-первых, фоноидеографические нероглифы появились в результате обозначения нового производного значения какого-либо слова путём создания нового нероглифа из первоначального с прибавлением к нему детерминатива. Звучание обоих знаков в этом случае оставалось тождественным, так как они имели разные значения одного слова. Например, когда слово фэй 非 кроме значения «дурной, плохой; зло» приобрело значение «дурно говорить о чём-либо, злословить, хулить», был создан новый знак 誹 путём прибавления к 非 определителя 言 «слово». В этом случае во втором, фоноидеографическом нероглифе значение фонетика, т. е. первоначального знака, связано со значением нероглифа в целом — ведь последнее является производным от первого. Вместе с тем наличие отдельного нероглифа для каждого значения приводило к распаду первоначального единого слова на два отдельных. Развитие значения каждого из них могло идти различными путями и приводить к значительному ослаблению связи между ними.

Во-вторых, фоноидеографические нероглифы появились в результате обозначения одного слова путём использования, с добавлением детерминатива, нероглифа, обозначающего другое омонимичное слово. Древний китайский язык был богат омонимами, поскольку число односложных слов в нём преобладало, а количество самих слогов, по условиям его фонетической системы, было ограничено. Таким образом, нетрудно было найти омонимичное слово и путём прибавления детерминатива к обозначающему его нероглифу придать последнему новое значение. В этом случае первоначальный знак, играющий в новом нероглифе роль фонетика, использовался безотносительно к своему значению, следовательно, последнее не имело никакой связи со значением нового знака. Например, для обозначения слова гань «устрица» использован как фонетик омонимичный знак 甘 гань, значение которого «сладкий» с значением «устрица» не связано; к нему добавлен ключ 虫, указывающий, что значение этого гань относится к миру насекомых, слизняков, т. е. создан знак 蚌.

Прибавление детерминатива к нероглифу для выражения как нового значения выражаемого им слова, так и омонимичного слова с

другим значением было самым продуктивным способом образования новых знаков, поэтому тип фонодеографического нероглифа получил наибольшее распространение. Однако надо заметить, что в настоящее время, исходя из нынешнего значения одинаково произносящихся нероглифов, в большинстве случаев нельзя непосредственно определить, какому из двух процессов обязано происхождение того или иного фонодеографического знака. Например, в нероглифах 柑 «апельсин», 埴 «глиняный сосуд» (особой формы), произносящихся гань, имеется один и тот же фонетик 甘 гань, но, исходя из самих значений, нельзя с уверенностью утверждать, является ли гань 柑 «апельсин» производным, получившимся путём сужения значения исходного гань «сладкий», или просто его омонимом, является ли гань 埴 «глиняный сосуд» производным, получившимся путём метонимического переноса значения исходного гань «сладкий» («сосуд, в котором варилось нечто сладкое»), или опять же представляет собой его омоним и т. д. Как и установление всякой этимологии, утверждение наличия генетической связи между значениями фонодеографического нероглифа в целом и его фонетика большей частью требует серьёзных исследований истории данных слов. Поэтому, не вдаваясь в эти вопросы, укажем только, что распространённость типа фонодеографического нероглифа привела к тому, что большое число их имеет в Китае одно и то же чтение, а в Японии — одинаковые бны. Например, нероглифы 柑 «апельсин», 滑 «рисовый отвар», 埴 «глиняный сосуд», 蚶 «устрица» и их фонетик 甘 «сладкий» — все читаются по-китайски гань, а в Японии имеют бн кан.

Однако в отдельных нероглифах звуковое значение фонетика (т. е. связанный с ними звук или комплекс звуков) менялось: в самом Китае на протяжении многовекового существования нероглифов, в Японии при заимствовании нероглифов и превращении китайского слова в бн. В результате этого в настоящее время почти ни один графический элемент, служащий фонетиком, не имеет постоянного чтения даже в Китае и тем более в Японии. Например, нероглифы, имеющие в своём составе элемент 睪, который сам по себе читается по-китайски и и имеет бн эки, читаются: 釋 и 驛 по-китайски и — бн эки, 譯 и, но бн яку, 擇 и 澤 цзэ, бн таку, 釋 ши, бн сяку и сэки (последний бн входит в устаревшие слова и неупотребителен). Таким образом, в последних трёх нероглифах элемент 睪, будучи по функции фонетиком, теперь чтения нероглифа не определяет. С другой стороны, компонент, который в ряде нероглифов служит фонетиком, может не быть им в других. Например, знак 甜 — идеограмма, где значимы обе части: 舌 «язык» и 甘 «сладкий», поэтому он и значит «сладкий на вкус», и чтение его по-китайски тянь, по-японски тэн.

Элемент 甘, имеющий чтение **гань**, использован здесь только по значению, а не по звучанию.

Ограниченность числа слогов в древнем китайском языке обусловила ограниченность числа óнов в японском языке — их всего около 300 с лишним. Один и тот же óн обозначается разными фонетиками, так что число последних значительно более числа óнов.

§ 5. Превращение детерминатива в ключ

Первоначально, как уже говорилось, детерминатив играл роль идеографического определителя, но с течением времени эта роль изменилась. В древних китайских словарях слова объединялись по группам понятий. Например, в одном из древнейших китайских словарей «Эр-я» слова расположены по группам: «небо» — солнце, дождь и т. д., «земля» — вода, горы, травы, деревья и т. д. Следовательно, объединялись и обозначавшие эти слова нероглифы, среди которых множество имело одинаковые детерминативы. Отсюда легко было перейти к мысли, что по детерминативу можно располагать нероглифы в словаре. Таким образом, детерминатив приобрёл вторую функцию — определять место нероглифа в словаре, а значит и служить признаком, помогающим его найти. С течением времени эта функция становилась преобладающей, а идеографическая значимость детерминатива ослабевала, и из детерминатива он превращался в «ключ», как в такой словарной функции называют этот элемент в русской востоковедной литературе. Для этого надо было, чтобы и нероглифы тех типов, которые не имели детерминатива, т. е. идеографические и пиктографические, приобрели ключ; в таких нероглифах к ключу стали относить один из уже имеющихся в знаке графических элементов или заново приписывали ключ. Число таких ключей по сравнению с числом реальных детерминативов в последующих словарях, составившихся в Китае и в Японии, сокращалось и в XVII в. стабилизировалось на 214.

Ключи в известной мере сохраняют идеографическое значение, присущее прежнему детерминативу. Например, среди нероглифов, имеющих ключ 木 «дерево», многие обозначают название деревьев: среди имеющих ключ 艹 «трава» — названия травянистых растений; среди имеющих ключ 魚 «рыба» — названия рыб и т. п. Идеографической значимостью ключа объясняются некоторые кажущиеся «исключения» в распределении нероглифов по ключам: например, 悶 «мучиться» и 恥 «стыдиться» — оба стоят под ключом 心 «сердце», а не соответственно под 門 «ворота» и 耳 «ухо», как следовало бы по графическому положению этих элементов. Однако далеко не в каждом нероглифе при его современном значении ключ обладает идеогра-